

902. 913 (с 133)

В 38 В-38

Вестник Рязанских
Краеведов

№ 2

1925

Сборник 1925 г.

913 (с. 133)
В-38

ИЗ КНИГ
С. И. Григорова

902.4
В 38

ВЕСТНИК РЯЗАНСКИХ КРАЕВЕДОВ

ЖУРНАЛ
ОБЩЕСТВА ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
РЯЗАНСКОГО КРАЯ

□□□□

№ 2 (6).
1925 г.

Г. РЯЗАНЬ.

БИБЛИОТЕКА
№ 1965

ПОДПИСАНО

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Л. И. Жирнов — А. А. Шахматов и Рязанский узел в его теории образования русских народностей	1
Б. А. Куфтин — Задачи и метод изучения крестьянского жилища Рязанской губ.	6
Н. А. Дорогутин — Рабочие волнения на Побединских рудниках (в 1905-07 г.)	13
В. И. Жадин — Количественное исследование донной фауны р Оки и некоторых водоемов Окской поймы	23
Б. Р. Суслович — Научное и общественное значение Рязанского Медицинского О-ва	28
Хроника	31
Библиография	32

ВЕСТНИК РЯЗАНСКИХ КРАЕВЕДОВ.

№ 2—1925 г.

О Р Г А Н

МАРТ.

Общества Исследователей Рязанского Края.

А. А. Шахматов и Рязанский узел в его теории образования русских народностей *)

...Для меня, когда я изучал работы **) А. А. Шахматова, было особенно приятно видеть, что Рязань занимает в его истории замечательное место.

Передвижения славянских племен по русской равнине, за которыми следит А. А. Шахматов, не всегда совершаются ровной волной. В нескольких пунктах они дают скрещивание, завязываются узлы. Таких узлов, оставив в стороне второстепенные, можно заметить в эпоху формирования русской народности в этнографическом и политическом смысле, — три; именно узел в области северно-русского племенного союза, узел, завязавшийся среди южных племен под напором уличей и тиверцев, перешедших от Днепра к югу, и толкнувших другие южно-русские племена, и наконец интересующий нас Рязанский узел, спутавшийся на границе славянского населения с жочевниками, веннами и финнами за-окских лесов. Этот Рязанский узел может для нас представлять особый интерес

не только потому, что мы рязанцы. Южнее нашей губернии начинаются степи, идущие вплоть до предгорьев Кавказа. С начала русской истории вплоть до XVII века эти южно-русские степи получали непрерывные волны народов, идущих с востока. Если бы требовался какой-нибудь яркий и наглядный пример существования исторических законов, то мы могли бы указать на тот поразительный факт, что почти на всем протяжении истории мы не знаем эмиграции через Волгу и Яик на восток, но знаем в этих областях постоянную тягу на запад. Постоянная повторяемость явления свидетельствует о лежащем здесь в основе законе. Вы знаете, что теперь эти южно-русские степи колонизованы прочно нашими соплеменниками. Вы знаете, что последняя волна русской колонизации прошла сюда именно в XVII и XVIII столетиях, т. е. в историческом смысле почти на нашей памяти. Но встречались ли здесь русские, или образовавшие их славяне, раньше? Кто был

*) Из доклада, сделанного на заседании Общества исследователей Рязанского края при академ. А. А. Шахматова.

**) Речь идет о книге акад. А. А. Шахматова „Введение в курс истории русского языка“, ч. 1. Исторический процесс образования русских племен и наречий, П. 1916“, а также о статье в Журн. Мин. Нар. Просв., 1899 г., апрель, и очерке по истории русского языка в энциклопедическом словаре Брокгауз-Ефрона.

здесь исконным владельцем при начале русской истории—племена ли славян или племена, пришедшие с востока? Каковы были здесь взаимные отношения племен и, наконец, каковы были здесь в древнее время успехи цивилизации? Все здесь поставленные вопросы об отношении славян к востоку приходится затрагивать, и действительно А. А. Шахматов их затрагивает, говоря о завязавшихся в Рязанском районе племенных сплетениях. Надо вообще отметить, что за последнее время если еще не в русской науке, то в планах и мечтах лелеемых русскими учеными самых разнообразных историко-филологических специальностей Рязань и Рязанская область занимают выдающееся место. Археологи, этнографы, фольклористы, диалектологи, и даже знатоки искусства, обращают внимание на своеобразие встречаемых здесь объектов изучения. Под славянским слоем тут чувствуются ветхий финский подслои и подслои влияний, идущих с востока.

Как же рисуются А. А. Шахматову те сплетения, которые имели место в этом племенном узле?

В IX веке, когда шел процесс образования русской народности и русских государственных формирований, юг России был населен славянами, гораздо дальше, чем обычно показываемая окраска на исторических картах. На основании рассмотрения современных русских наречий и роднящих их между собою деталей, А. А. Шахматов приходит к заключению, что между северно-русской группой говоров и южно-русской в интересующую нас эпоху существовало компактное средостение в виде группы средне-русской, в зародыше уже намечавшей распад

на подгруппы западную и восточную. В наши дни мы имеем белорусское наречие, как потомка этой западной подгруппы, и наречие южно-белорусское, как потомка восточной. Установив это по фактам языка,—потому что и белорусы и мы говорим и а и **якаем**, произносим **h** на месте северного **г**, и иногда **w** на месте **в**,—А. А. Шахматов обращается к историческим источникам и ищет тех племен, среди известных нашим летописям, которые с вероятностью могли бы быть признаны за представителей воссозданной им средне-русской диалектической группы. Он обращает внимание на свидетельство летописи, что радимичи, вятичи и северяне **одни** **обычай** имели, т. е., этнографически были родственны друг другу. Он не упускал из вида и показания летописей, что радимичи и вятичи двигались с запада, от области племен польских. Значит, они были связаны этнографически с оставшимися западнее их дреговичами. Вот вам какая-то обширная этнографическая группа, являющаяся прослойкой между южно-русскими племенами. Остается признать, что ей-то и принадлежали те языковые особенности, которые А. А. Шахматов выследил, воссоздавая древнее средне-русское наречие.

Переходим к вопросу о географических границах этой группы. Данные о расселении дреговичей, радимичей, вятичей, о северной границе северян, взаимно поправляя друг друга, несмотря на неполноту, которая естественна для такой отдаленной эпохи, позволяют все-таки нанести их на карту с некоторой определенностью. Но северяне были крайним племенем группы, и относительно их дело меняется. Зная их северно-западные

границы, мы почти не можем уловить их границ юго-восточных. На юге-востоке простирались степи. В степях было кочевое население— вечные колонисты из за Волги, и пожалуй еще остатки иранских народностей отступавших на Кавказ. Славянское население проделало между них прослойками, растекаясь скорее всего вдоль рек и волоков, точно так, как это показывает в настоящее время этнографическая карта Сибири. И славяне, повидимому еще бродячие или полубродячие, и кочевники входили в состав могучей и чрезвычайно интересной, хотя и несколько загадочной державы, имевшей центр на низовьях Волги. Я разумею государство Хозар. То, что мы знаем о нем, главным образом от писателей— арабов, говорит нам с убедительностью о многоплеменности его состава. Многоплеменность влекла за собою как следствие в организации государства широкую терпимость, религиозную и повидимому, национальную. Подчиненные хазарам племена, повидимому, не чувствовали себя угнетенными; аппарат государственного принуждения был слаб, государство отчасти походило на союз или федерацию, что и было причиной слабости этой державы, не устоявшей под напором новых колонизационных волн из за Волги. Политические границы Хозарии доходили как раз до Рязани, которой тогда еще не было; радимичи, вятичи и северяне платили хазарам дань. Тем славянским племенам, которое колонизовало Хозарские степи, были северяне. Как далеко заходили они на восток в эти степи? А. А. Шахматов, опираясь на свидетельства восточных писателей, и комбинируя их с данными летописи, и приходит к заключению, что их колонизацион-

ное рассеяние хватило вплоть до предгорьев Кавказа. Дон называют арабские географы тех времен „славянской рекой“ и город Тмутаракань при устьях Кубани А. А. Шахматов признает городом северян, указывая на упоминание в Черниговском княжестве Тмутараканя Остречьского на р. Остре. Все это население Хозарии благоденствовало в большей степени, чем например в ту же эпоху новгородские славяне. Федеральный режим Хозарии, восточная культура, выгоды восточной торговли и степная ширь делали здесь жизнь легкой. Культура вятичей, осевших на Оке вместе с увлеченным ими с запада Литовским племенем Голядь, была еще ниже— городов они не строили. Северяне же на Дону очевидно комбинировали бродячий быт с наличием многочисленных деревень и многолюдных городов.

Во „Введении в курс истории русского языка“ т. е. в позднейшей своей работе, А. А. Шахматов не настаивает на преимущественной роли северян в интересующем нас районе. Вятичи, присутствие которых здесь неоспоримо и которые, как выше было отмечено этнографически и лингвистически близко родственны северянам, как бы выдвигаются на первый план. Однако я не вижу в этом противоречия с только что изложенной стройной, хотя и гипотетической, теорией. Обращает на себя внимание между прочим то обстоятельство, что среди племенных названий русских славян только имя „Северян“ является определяющим их географическое положение (по отношению к Киеву т. е. на север от Киева). Эта особенность их названия сама по себе наводит на мысль, что как раз это племя выделялось в тогдашнем

представлении не столько по этнографическому, сколько по территориальному признаку. Остаются несомненными все выдвинутые соображения относительно большей культурности северского населения.

В конце X века идет новая волна с востока—печенеги. Благосостоянию Хозарии наступил конец, тем более, что и русские под начальством Святослава около этого же времени разгромили Хозар. Весь оседлый элемент был вытеснен из страны или должен был опуститься на степень кочевого быта. Куда уходит народ, северяне? На север по Дону, в области более трудной жизни, ближе к суровым финским лесам. Здесь вокруг нашего Пронска, в тех же местах, где уже жили вятичи, **которые городов не строили**, вырастают города и села северян. Не северяне ли называли наш Трубеж Трубежом, не они ли на нем построили Переяславль-Рязанский? А. А. Шахматов вспоминает про Переславль южный, тоже на Трубеже в Северной земле.

В ту же эпоху шел встречный поток с севера, и протекающая в Рязанской области Ока стала границей этих двух волн. Этот северный поток принадлежал севернорусскому племени, скорее всего кривичам, тем кривичам, которые западным своим крылом соприкасались с Литовцами, и по имени которых до сих пор латыши зовут всех русских Kreews. Они и Новгородские славяне создали свое государственное объединение с участием и под главенством живших в их области варягов, колостов из Швеции Ruotsi. Таких скандинавов, живших на наших берегах Балтийского моря, они звали, так же как и финны, **Русью**,—имя, которое отразилось в современном

финском названии Швеции Ruotsi. Варягов же заморских, безразлично откуда бы они не приходили к славянам, из Швеции или со Средиземного моря, славяне звали **варягами**, что Шахматов смело, но с уверенностью, сближает с названием **франков**, Firēnqi, как до сих пор зовут на Ближнем Востоке всех вообще западно-европейцев. Такое же просасывание по рекам и волокам, какое мы видели для славян в Хозарии, имело место для кривичей в районе распространения финских племен, Мери Ростовской, Мещеры и др., которые по выражению А. А. Шахматова, были насквозь прославянены. По Клязьме, Москве и соседним рекам кривичи доходят до Оки. Они пошли бы и дальше, как они пошли несколько севернее, где достигли слияния Оки с Волгой, но здесь, в Рязанской области, не только Ока составляла для них препятствие—за Окой сидели превосходившие их культурой северяне, строители городов по Оке и Проне. Северноруссам остались лишь заокские леса.

Взаимное проникновение племен всетаки здесь имело место. Нажим с юга все усиливался, и отступавшие северяне толкали к северу остальные племена. Даже в Смоленской и Полоцкой областях кривичи испытали на себе этот нажим. Что касается вятичей, они частью проникли за Оку во Владимирский край и мы имеем данные даже о их проникновении до Волги. Условия не изменялись и впредь. Наоборот, с XIII века напор татар еще усилил отход еще остававшегося в степях населения к северу. Опустела в это время и область города Данкова на верховьях Дона. Но это же было поворотным пунктом истории.

Через сто лет русские начинают медленное, но методическое движение опять на юг, опять к степям и чернозему. Этнографический узел в Рязанской области завязался. Народность Рязанского края определилась по всем составляющим ее элементам.

Это сплетение племенных элементов имеет свое отражение сейчас в говорах Рязанского края, и все диалектические особенности, которые мы наблюдаем на юге ли губернии, или за Окой, А. А. Шахматов с определенностью приурочивает к говору того или другого из столкнувшихся здесь племен. Эта часть его соображений наиболее гипотетична, и со стороны известного исследователя Рязанских говоров на статью А. А. Шахматова последовало довольно раздражительное возражение. Je ne l'ai pas vu et ben trovato, и гипотезы А. А. Шахматова в этом направлении, если и не воплощают собою конечной истины, являются все же стройной рабочей гипотезой, той рабочей гипотезой, с точки зрения которой настало время обозреть все диалектические факты по Рязанскому наречию. Я укажу из этих фактов немногие. Следы **оканья** в Касимовских заокских говорах — наследство северо-руссов кривичей. **Дзеканье** и **цеканье**, распространенное вообще в заокском краю, А. А. Шахматов ставит в прямую связь с исконным передвижением вятичей, голяди, радимичей из за Днепра, с запада, от ляхов, где и польский язык и белорусское наречие русского языка знает то же явление. Наконец — может быть самое интересное предположение А. А. Шахматова — имению, что говор северян имел своей типичной особенностью сильное **аканье**, нынешнюю типичную черту южно-великорус-

ской группы. А. А. Шахматов говорит: „аканье и в Рязанской губернии, и вокруг Новгород-Северска“, — и замечает, что, чем дальше на восток, тем сильнее становится аканье. Очевидно, чем дальше на восток, тем уединеннее сидело племя северян от иных славянских племен, изолированное среди инородческого элемента, тем сильнее и прочнее оно сохраняло характеристическую черту своего говора.

Но у А. А. Шахматова есть и недоумения в области Рязанских говоров. Он, например, говорит, что, если, при ближайшем исследовании точных особенностей Касимовских и Егорьевских говоров, выяснится между ними родство по целому ряду пунктов, то можно будет с гораздо большей уверенностью говорить о проникновении вятичей в эту полосу края, покрывших собою более древний слой кривичей. Действительно, осталось выяснить ближайшим образом, насколько дзеканье и цеканье Рязанской губернии сопровождается постоянным комплексом других признаков, чтобы судить относительно отдельных местностей, получилось ли оно в результате одного или разных и разновременных процессов. Вот задача обществу исследователей Рязанского края. Надо выследить и записать, чем говор данного села или деревни отличается от того говора, который господствует в Рязани. Какие звуки не так произносятся, как здесь; какие слова не в том значении употребляют, в каком мы их употребляем. Добавлю еще, что эта задача обещает дать много интересного, особенно по северной, заокской части губернии. Край этот лесной и глухой. В нем много деревень, затерянных в лесу. На 20—30 верст от

деревни до деревни не встретишь жилья, кроме сторожки лесного об'ездчика. В уединенных деревнях должны сохраниться в сравнительной чистоте и нетронутости многие старинные особенности речи. Как Кавказ с его долинами между хребтами гор сохранил нам музей лингвистической археологии, бесчисленные языки которого восходят ко временам сумерийской, до-вавилонской древности,—так в меньшем масштабе, разделенные

лесными пространствами поселки Мещерского края могут дать коллекцию диалектической археологии. Кроме славянского элемента здесь в словаре непременно скажется и ветхий элемент финский. По крайней мере проф. Будде отмечает в одном случае употребление на севере Рязанской губернии слова *Ока* в качестве имени нарицательного.

Л. Журков.

Задачи и метод изучения крестьянского жилища Рязанской губернии.

(КРАТКАЯ ИНСТРУКЦИЯ).

Историко-культурные вехи. План, форма, характер, расположение, наконец, особенно материал жилища сильно зависят от окружающих природных условий. Но природа не является единственным фактором, объясняющим вполне тип строения в данной местности. Многочисленные передвижения населения, начиная от древнейших времен и до настоящего момента соединяли на одной территории разнородные группы населения, приносившего сюда со своей прежней родины бытовые привычки, хозяйственный уклад, технические навыки, выработавшиеся веками в иных природных и исторических условиях, во взаимодействии с другими народами и культурными центрами. Принесенные культурные особенности могут быть настолько сильными, особенно, если пришедшая племенная группа ранее входила в круг воздействия какой-либо более значительной цивилизации, что они, прививаясь

к окружающему населению, совершенно изменяют внешний облик его культуры (одежду, жилище, орудия труда,) претерпевая, конечно, в свою очередь изменения, сообразно местным природным условиям. Такого рода влияния, идущие от крупных культурных центров, проникают часто через городские слои населения, иногда просто как мода, которой стремятся подражать.

Однако, даже при сильном воздействии со стороны новой культуры, старые бытовые формы редко целиком исчезают бесследно; они остаются, приспособляются к новым условиям. Новшества, усовершенствования касаются, например, жилой избы, появляется новый материал для крыши, развиваются новые потребности, меняющие распланировку, разделение избы, положение крыльца, устройство печи, характер мебели, но старые типы и материал „перезживают“ в дворовых строениях

овинах, банях, землянках и т. д., позволяя по ним судить о давно изжитых бытовых формах туземного населения. Сказанное справедливо и для тех случаев, когда напротив, колонизаторы ассимилируются, сливаются с местным населением, оставляя то в той, то в другой особенности внешнего быта и языка воспоминание о старых культурных связях, о привычках, выработанных в иных природных условиях.

При колонизации данной местности новым элементом мы видим или только более или менее оторванные от своей бывшей территории отдельные группы, слои населения (например; варяги в Киевской Руси белорусские и польские пленные с Литовской границы, отправляемые при Алексее Михайловиче в восточные окраины Московского государства, беженцы настоящего времени, латышские и немецкие хуторяне и т. д.) влияние которых всегда необходимо учитывать, или имеем дело с более заметным втягиванием данной территории в новые культурные связи, например, с расширением государственных границ, благодаря чему просачивание новых культурных форм идет непрерывно, не теряя связи с материнским стволом. В таком положении находились окраинные области Московского Государства, населенные финскими и турецкими народностями, в отношении к древней русской культуре. Еще ранее, открытие Днепровского пути из Варяг в Греки связала южные и северные славянские области и Киевское великокняжеское городское строительство оказалось в зависимости

от зодчества Новгородских плотников, шедших на юг. Те же отношения установились позднее между Рязанским и Ростово-Суздальским княжеством, чем и объясняется отчасти далекое проникновение на юг Рязанской губернии за Оку северовеликорусского типа избы. На высоком подклете с двускатной крышей, обращенной фронтоном на улицу.

Рязанская губерния,—разделяемая обыкновенно в естественно-историческом отношении на три резко выраженные части: болотистую Мещерскую низменность, Рязанскую сторону, еще недавно покрытую лесами и, наконец, степную сторону,—представляет еще большее разнообразие в отношении племенных передвижений и встреч, которые имели здесь место, подчиняясь отчасти указанным природным делениям издавна заставлявшим районы современной Рязанской губернии тяготеть к различным факториям. Лесной север губернии был занят в дославянскую эпоху различными финскими племенами, которые на юге соприкасались с иными народами, частью Иранскими частью, вероятно, Кавказскими, поднимавшимися вверх по Дону, наконец; турецкими племенами связанными в разной степени культурно то с Центральной и Передней Азией с одной стороны, то с Черноморскими колониями Римской Империи, Византией, наконец, с Западной Европой с другой. Славянская колонизация совершалась различными путями. Север губернии заселялся из Ростово-Суздальской области, повидимому, Смоленскими и западно-Двинскими кривичами,¹⁾ которые, не достигая

¹⁾ СПИЦИН А. А. К истории заселения верхнего Поволжья русскими. Труды 2-го Обл. Тверск. Арх. Съезда 1903 г.
Его же Владимирские курганы стр. 95 и 167—172 Изв. Арх. Комиссии в. 15, 1905 г.

а также с данными других авторов (Alm, Nirdqilt, Ekman, Birge, Juday и др.), приводивших часто средние данные для целых водоемов, мы были озабочены вопросом о вычислении средних данных.

Этот вопрос имеет большие трудности. Во первых, фауна распределена по станциям и биоценозам, при чем часто один биоценоз постепенно переходит в другой или постепенно же сходит на нет, так что для правильного учета количества фауны необходимо составить точные планы распределения биоценозов по водоему.

Во-вторых, фауна в течение года и даже годов находится как бы в состоянии неустойчивого равновесия. Колебания в количестве Tullifecidae и Chironomidae (по свидетельству Juday и Alm'a) наблюдаются в очень значительных размерах. Это обстоятельство обязывает для получения средних данных (даже приблизительных) производить исследования в течение круглого года и в продолжение нескольких лет.

Относительно колебания количества личинок насекомых мы располагали такими наблюдениями. Неоднократно в течение лета 1923 г. мы наблюдали следы массового вылета водных насекомых—Trichoptera, Ephemerae и Chironomidae. Прибрежье Оки в это время на урезе воды бывает покрыто до широкой полосой, а иногда не большим валиком, составленным из шкурок личинок (куколок) вылетевших насекомых.

В июне месяце мы насчитывали до 500 шкурок куколок *Hydropsyche* на протяжении $\frac{1}{2}$ метра прибрежной полосы, в августе и сентябре до 500 шкурок *Polymitarcys*

и до полуторы тысяч *Chironomidae*. Такому учету поддаются лишь шкурки, выброшенные на берег, шкурки же куколок, плавающие по воде, учесть совершенно невозможно. Из аналогичных наблюдений я упомяну данные Беннига и Поповой о массовом вылете *Gomphus*.¹⁾

Несомненно, что столь значительное удаление из воды бионтов, какие мы наблюдаем в указанных примерах, не может не повлиять на количество фауны.

Приведенные соображения чрезвычайно затрудняют вычисление средней продукции водоемов, а потому в тех случаях, где я буду говорить о средних цифрах фауны в водоемах, я буду приводить лишь некоторое приближение к их истинной продукции.

После предварительных общих замечаний перехожу к описанию донной фауны реки Оки у города Муром.

Река Ока в этом месте разбивается на такие станции:—

А. Середина зона—I. Станция быстрого течения—а) с песчано-каменистым дном, б) с песчаным дном и II. Станция замедленного течения с песчано-иловым дном.

В. Прибрежная зона—а) станция прибрежья с косами, б) станция илистого дна, с) станция серой глины.

Распределение количества донной фауны по этим станциям видно из диаграмм.

* Диаграмма I сравнивает средние данные всех станций. Здесь видно, что продукция прибрежья значительно превышает продукцию середины.

Из прибрежных же станций первое место занимает станция серой

¹⁾ ПОПОВА. К изучению биологии *Gomphus flavipes* (Charp) (Раб. Волж. ст. 1923 г.).

глины. Эта стация обладает грунтом, изрытым норками личинок *Polymitarcys*; в покинутых норках, а также на кусках жирной серой глины находят приют многочисленные личинки *Chironomidae*, рачки *Dikerogammarus haemoluphes* и *Corophium curvispinum*, *Oligochaeta* и лич. *Trichoptera* (*Hydropsyche* и *Nemidopsis*). Здесь среднее количество животных на площади 10 кв. дцм равно 143,5. В косах—101,8; на илистом дне—76 животных.

Из стаций срединной зоны наиболее продуктивна стация с песчано-иловатым дном—20,8 жив. на 10 кв. дцм и песчано-каменистым дном (21 жив.). Наименьшая продуктивность падает на песчаные перекаты—здесь изредка встречаются лич. *Hydropsyche* и *Gammarus Sarsii*.

Наиболее изученная стация—косы—позволяет выяснить здесь нек торые детали. Косы (закося) по характеру своего дна могут быть разделены на 2 категории—1) чистые закося (дно песчано-иловатое), 2) закося, несколько засоренные (дно песчано-иловатое со скоплением трухи и прочего детрита). На детрите развивается обильная флора водоросли (*Cladophora*).

Средние цифры показывают, что засоренные закося продуцируют значительно богаче, (156 жив. на 10 кв. дцм) чем чистые (36 жив.). Высокую цифру дают здесь личинки *Chironomidae* (мелкие).

Участок р. Оки между Коломной и Рязанью, исследованный экспедиционно в августе-сентябре 1923 года, имеет некоторые черты различия по сравнению с Муромским участком. По химизму содержания Са, активной реакции—больших различий между исследованными участками не наблюдается, но по общему ландшафту,

характеру дна и скоростям течения участок Оки между Коломной и Рязанью имеет много отличительного.

Дно большей частью глинисто-иловатое или песчано-иловатое, лишь на перекатах чисто песчаное, побережье большей частью иловатое (песчано или глинисто). Скорости течения незначительны (от 0,10—0,28), на перекатах $0,58 \frac{m}{sec}$ В некоторых местах малая

скорость обусловлена широкими плесами, в других—большой глубиной при незначительной ширине плесов.

Совершенно своеобразную картину представляет Кузьминский шлюз. Мощная плотина перегораживает Оку и дает значительный подпор воды, сказывающийся на десяток верст.

Условия в реке до плотины и после совершенно различны. Перед плотинной, вследствие затишья течения выпадает на дно детрит, вода повышает прозрачность (с 105 до 215). После плотины быстрое течение ($0,580 \frac{m}{sec}$) песчано-каменистое размывающееся дно, прозрачность падает (до 165), вода обогащается кислородом (с 4,8 до 5,5 cm^3 на 1L)

Продукция донной фауны Оки участка Коломна-Рязань значительно выше, чем Муромского, причем продукция срединной зоны (кроме перекатов) выше, чем прибрежной.

Нами подсчитаны средние цифры по побережью, по глинисто-иловатому и мелко-песчаному дну середины.

Было бы правильно, конечно, побережье разбить на ряд стаций, но к сожалению, экспедиционный материал не позволяет этого сде-

лать с желательной обстоятельностью. К тому же в большинстве исследованных мест побережье имело почти сходное дно--песчаное с иловатым налетом, лишь возле с. Щурова Рязанской губ. дно состояло из серого ила.

Колебания в количестве организмов наблюдалось в размахе для *Tusifecidae* от 9—48 до 117; для лич. *Chironomidae* от 25—55 до 133,5; для *Sphaeriidae* от 7,5-73 до 205 на 10 dm².

Наибольшее количество *Tusifecidae* и *Sphaeriidae* падает на серый ил.

Серединная зона разделена на 1) стацию глинисто-иловатого дна, 2) стацию мелко-песчаного дна на медленном течении, 3) стацию песчаного дна на быстром течении (перекаты). Количество фауны в этих стациях подвергалось таким колебаниям:

Стация глинисто - иловитого дна — *Tusifecidae* от 0 до 93; лич. *Chironomidae* от 4-13-68 до 1348, *Sphaeriidae* от 3-9 до 320. Максимальное количество *Chironomidae* и *Sphaeriidae* относится к стации бл. села Кузьминского, т.-е. к месту, где сказывается уже сильное влияние Кузьминского шлюза.

Стация мелко-песчаного дна — *Tusifecidae* от 21 до 28, личинки *Chironomidae* от 33 до 445, *Sphaeriidae* от 34,5 до 132.

Перекал дает ничтожную цифру продукции, граничащую с полным отсутствием фауны.

Представляет интерес отметить, что дважды на дне середины Оки были находимы колонии мшанки *Cristatella mucedo*. Один раз 41 колония, другой 3 колонии на 10 кв. дцм.

Кузьминский шлюз дает резкое различие в количестве фауны выше и ниже плотины.

Что касается качественного со-

става, то элементы фауны выше и ниже плотины не имеют в себе почти ничего общего. Выше плотины лич. *Chironomidae*, *Sphaeriidae* и *Corophium curvispinum*; ниже — другие каспийские рачки (*Metamysis Strauchi*, *Gammarus Sarsii*), лич. *Tipulidae* и *Unii Batavus*.

Сравнивая количество донной фауны Оки у Мурома и Оки между Коломной-Рязанью, мы констатируем большое различие. На участке Коломна-Рязань продукция срединной зоны превышает продукцию побережья, на Муромском участке наоборот.

Объяснение различия в количестве фауны нужно усматривать в общих экологических условиях 2-х участков-скорости течения и связанных с ним свойствах дна, прозрачности воды и пр. В тех же случаях, где встречаются сходные стации в двух участках, мы наблюдаем и конвергирование в количестве фауны. Примерами могут служить перекаты и Кузьминский шлюз ниже плотины, сходн. по усл. с песчаным каменистым дном Муромского участка.

Большое значение в экономике реки имеют старицы (рукава, затоны, поемные озера и пруды). В одних из них рыба живет постоянно, в другие ходит кормиться или постоянно, или в половодье.

Нами наиболее изучен Велетьминский затон р. Оки бл. гор. Муром, менее изучены — Липинский рукав, Новосельский затон и затон „Бараньи Рожки“. Единичные пробы взяты из Липинского затона, старицы „Прорвы“, поемного озера Студенец и поемного пруда № 1 (из двух последних водоемов пробы взяты в январе-марте 1924 г.).

Сравнивая средние цифры продукции стариц р. Оки (причем имеем в виду неточность получения средних), видим, что в количестве

фауны здесь наблюдается меньшее различие между Муромским и Коломенско-Рязанским участками, чем это мы наблюдали в реке Оке.

Наибольшую цифру продукции дает Новосельский затон с 224 жив. на 10 кв. дцм., сравнительно мелководный, широкий, еще недавно находившийся в стадии рукава, наименьшую — старица „Прорва“ 13,5 жив. на 10 кв. дцм. узкая глубокая (до 10 м.) старица с быстро растающими от берега глубинами, не позволяющими развиться обильной водной растительности.

Совершенно особняком по своей высокой продукции* стоят поемные водоемы, совершенно изолировавшиеся от реки и покрывающиеся речными водами лишь в весеннее половодье. Из таких водоемов количественному исследованию подверглись зимой 1924 г. (январь-март) озеро и пруд.

Параллельно обловам срединной зоны, произведенным в этих водоемах, были взяты для сравнения пробы из срединной зоны Вегельминского затона и Липинского рукава.

Наибольшую продукцию, превышающую продукцию всех ранее упомянутых водоемов и участков Оки, дал поемный пруд № 1, глубиной в 0,7 м (—496 животн. на 10 дм²), далее поемное озеро Студенец (455 животн. на 10 дм²). Рукав и затон имели значительно меньшую продукцию. (Середина рукава—326 жив., затона—40 жив. на 10 кв. дцм.

Это явление крайне интересно в том отношении, что фауна пруда и озера долгое время выживает в условиях крайнего недостатка (в пруду даже отсутствия) кислорода и накопления сероводорода.

Кидая общий взгляд на количественное распределение данной фауны на двух исследованных нами участках р. Оки, мы видим, что у Мурома старицы являются более продуктивные, чем река; на участке же Коломна-Рязань совершенно обратные отношения—здесь продукция реки превышает продукцию стариц (кроме прудов и озер, которые здесь не исследовались).

В. Жадин.

Муром. 1 мая 1921 г.

Окск. Биол. Ст.

Научное и общественное значение Рязанского Медицинского Общества.

(К 50-летию юбилею Общества).

Полувековой юбилей научного общества в условиях российской действительности представляет собою знаменательное явление. Он указывает, как живуча идея научного объединения, как необходимо это единение людям, работа которых опирается на науку, и успех работы которых связан с прогрессом науки.

Рязанское Медицинское Общество зародилось в мрачную пору русской жизни. То была пора сумерек общественности, тяжелой реакции, затхлой атмосферы последних лет царствования Александра II, обманувшего чаяния лучшей части русского общества.

В эту-то пору разобщенности интеллигентских сил, утери идеалов, отсутствия взаимной поддержки, организовалось Ряз. Медицинское Общество и существовало многие годы. Как мы знаем, прежнее название его было „Общество Рязанских врачей“, но уже и тогда оно объединяло, согласно уставу своему, и врачей, и фармацевтов, и ветеринаров, тех лиц, которые ведут работу в области народного здравоохранения. В уставе О-ва мы читаем: „Общество имеет целью: а) изучение губернии в санитарном отношении, б) изучение условий под влиянием которых развиваются и поддерживаются в губернии эпидемические, эпизоотические и прочие болезни с изысканием средств к предотвращению в) собрание и ученую разработку статистических материалов о болезненности и смертности, г) содействие местной администрации или земству в устройстве сельской врачебной части, содействие в повсеместном распространении правильного оспо-

прививания, е) открытие публичных чтений, издание популярных сочинений в видах распространения в народе здравых понятий по гигиене, искоренение невежества, суеверия, предрассудков в деле народного здоровья, противодействие шарлатанству, ж) устройство, амбулаторий“ и другое.

Через пятьдесят лет мы вправе поставить себе вопрос: оправдало ли Общество свое полувековое существование, сыграло ли оно какую либо роль в общественных начинаниях Рязани и губернии и в общественном и научном прогрессе своих членов?

Как видно из трудов Общества Рязанских врачей большое внимание уделялось изучению общественной санитарии и гигиены. Тут мы встречаем самые разнообразные вопросы, тесно связанные с санитарным благополучием населения; учет движения заразных заболеваний в г. Рязани и уездах, научную разработку вопросов связанных с теми или иными инфекциями (эпидемия холеры, брюшного тифа, дифтерии, гриппа и др.), стремление разобраться в причинах их породивших в Рязани и участке, в мероприятиях по их ликвидации.

Административные органы постоянно обращались в Общество со всеми вопросами подобного рода и Общество всегда относилось со всей серьезностью к такого рода заданиям. Обозревая печатные труды Общества мы видим, что оно никогда не подходило к этим вопросам формально, оно не замыкалось в рамки академического изучения вопроса. Оно всегда намечало и практические указания, настойчиво рекомендуя

проводить их в жизнь. Общество всегда преследовало интересы беднейших слоев населения, как например, постановление о бесплатном приеме в Губбольницу больных дифтерией, о понижении цен на дифтерийную сыворотку, о бесплатном оспо-прививании, о бесплатном отпуске воды трудящимся и мног. друг. По ряду докладов выделялись специальные комиссии, выезжавшие на места (в очаги эпидемические) и на основании изучений условий места, делавшие свои заключения с предложением мероприятий. При организации боен, водопровода, городское самоуправление обращалась к Медицинскому Обществу за разработкой этих вопросов. Выделялись комиссии для обследования местностей, на которых предполагалось открытие боен, доклады комиссии обсуждались в заседаниях Общества. Совершенно исключительна роль Мед. Общества в организации водопровода; помимо разносторонней разработки этого вопроса Обществом, один из членов его К. Ф. Пинт, по заданиям общества произвел огромную работу по исследованию воды из различных водоемов. И эти анализы послужили основой при выборе места организации водопровода.

Нельзя не остановиться еще на одном моменте, который у всех, у нас в памяти: мы говорим о днях белой ромашки и организации туберкулезной амбулатории; до первой белой ромашки у нас в Рязани никакого противотуберкулезного движения не было-Ряз. Мед. Общество впервые выступило на борьбу с этим социальным бедствием, выступило, несмотря на противодействие администрации и духовенства. Всем памятна борьба Общества с тогдашним епис-

копом Дмитрием, чуть ли не анафеме предавшем это начинание. Но Мед. Общество, несмотря на все препятствия провело день ромашки с большим успехом и подъемом. Здесь впервые вокруг вопроса борьбы с туберкулезом организовалось население. И Мед. Общество очень разумно использовало свой успех—организовав противотуберкулезное учреждение с попечительством, т. е. прототип современного диспансера. Это учреждение существовало с 1913 года до 1919 г. когда оно перешло в ведение Губздрава и положило начало ныне существующему туберкулезному диспансеру. Мед. Общество намеревалось идти и дальше по пути борьбы с туберкулезом. Из архива его видно, что был разработан план открытия средствами Общества в Солотче санатории для легочных больных, выезжала в Солотчу комиссия для выбора места, но этот план остался невыполненным Обществом в виду перехода всего дела здравоохранения в руки государства после октябрьской революции.

Этим далеко не исчерпывается работа О-ва. Из сохранившихся трудов его мы видим огромную научную работу; на заседаниях его ставились доклады всегда на темы, касающиеся новейших изысканий медицинской мысли. Члены Общества шли со своими врачебными наблюдениями, делились с товарищами интересными работами, докладывали редкие случаи из своей врачебной практики, демонстрировали больных, новые препараты, инструменты и аппараты, применяемые в медицинской практике. Необходимо отметить, что наряду с компилятивными сообщениями, с обзорами новостей медицинской науки, с рефератами по тем или иным отрас-

лям медицины и ветеринарии, мы имеем огромное количество оригинальных работ, научно проработанных, из которых многие затем появлялись в медицинской и ветеринарной прессе. Эти работы вышли из лабораторий и лечебных заведений Рязани, многие из них докладывались на Всероссийских съездах. Конечно, нельзя не упомянуть здесь об имевших огромное значение работах профессора А. В. Белицера по пироплазмозу; эти работы сделались достоянием мировой науки и все в процессе исследовательской их проработки и в завершённом виде, прежде опубликования своего, были доложены на заседаниях Ряз. Мед. Общества. Много и других докладов, заслушанных Обществом, затем становились достоянием врачебной науки, далеко за пределами Рязани.

Единственное объединение врачей и дореволюционную пору Медицин. Общество являлось для большинства врачей и единственной школой общественности, к нему тяготели и другие интеллигентские группы. В первую голову родственные врачам, биологи. И не даром общество вынуждено было изменить свой устав и название. Из Общества врачей превратиться в Медицинское Общество. Это шире, и более стало отвечать назревшей потребности, ибо нельзя было уже оставаться в пределах врачебных вопросов. Научная мысль прогрессировала с чрезвычайной быстротой. Врач не мог уже заниматься только больным организмом. Обще-биологические проблемы все шире и шире вливались в научную медицину, также, как и социальные проблемы в общественную. И вполне естественно, что общение с представителями этих дисциплин сту-

чалось в дверь. И общество эволюционировало в связи с потребностью, выдвигаемой жизнью и наукой. Ряд педагогов и общественных деятелей становятся членами Ряз. Мед. Общества, выступают с докладами и по вопросам естествознания и общественным. В последние годы мы уже видим, что Медицинскому Обществу по многим вопросам становится тесно только среди своих членов, и вот созываются собрания Мед. О-ва совместно с широкой массой педагогов по вопросам медико-педагогического характера. С возникновением Общества исследователей Рязанского края это Общество вступает в общение со своим старшим товарищем-Медицинским Обществом и у всех, у нас в памяти целый ряд совместных заседаний, проведенных этими двумя научными объединениями.

Помимо освещенных сторон деятельности Медицинское Общество являлось для своих членов местом для разрешения бытовых вопросов. В ряде заседаний проходят эти вопросы: острые, животрепещущие, всегда волнующие медицинского работника. И в 1917 г., когда разные отрасли труда стали объединяться в профессиональные союзы, именно в Мед. Об-ве прозвучал первый призыв к врачам создать профессиональное врачебное объединение. И отсюда оно впервые возникло сначала в виде профессионального союза врачей Ряз. губ. затем вошло в союз Медсантруд.

Такова в общих чертах, жизнь Ряз. Медицинского Общества. Думается, что оно внесло свой скромный вклад и в развитие санитарной культуры города и в развитие научной мысли рязанских врачей.

Б. Сулович.

ХРОНИКА.

Летом 1925 года Обществом Исследователей Рязанского Края предложены следующие экспедиции:

Геологическая экспедиция по изучению долин реки Пры, Руководить экспедицией дала согласие Е. Д. Сошкина

2. Биологическая экспедиция на озеро Великое близ д. Криушы. Общество получило согласие со стороны А. Т. Яценко продолжить начатую ей еще в 1921 году работу по изучению биологии озера.

3. Этнографическая экспедиция (под руководством М. Д. Малининой) в район „Курши“, расположенной по водоразделу рек Гуся и Пры, районы которых были уже обследованы в 1923 и 24. г.

4. Этнографическая экспедиция по обследованию Касимовских татар (под руководством Б. А. Куфтина)

5. Археологические раскопки а) Архиерейского сада б) Мелеховского городища (Спасск. у.) в.) Подборной стоянки Касимовского у.) и г) Рязских курганов. Руководить экспедициями будет Н. И. Лебедева

6. Историко художественное обследование кустарных промыслов. В с. Солотче Д. Д. Солдовниковым.

К осуществлению всех намеченных работ приняты подготовительные меры. Экспедиции начнутся с мая месяца и продолжатся до середины сентября. Продолжительность каждой экспедиции определяется от 2 недель до одного месяца.

Сапожковское отделение Общества приступило к изданию выпуска своих трудов, заключающего в себе работу П. П. Стаханова „Движение степи на лес в Сапожковском крае и гибель древесных насаждений“. К работе П. П. Стаханова дано предисловие почетного члена общества профессора В. П. Семёнова-Тян-Шанского.

Зимой 1924-25 г. открыты новые отделения Общества в следующих пунктах: в г. Скопине, г. Рязске, г. Шацке, г. Сасове, с. Луховицах, и в с. Солотне, временно прекращавшее свою деятельность.

В связи с предстоящим в 1925 году столетием со дня рождения Н. Д. Хвоцинской — Заиончковской (псевд. В. Крестовский) Обществом исследователей Ряз. края будут опубликованы выдержки из переписки ее с Н. Ф. Щербиной, ее письма к И. П. Пожало-стику, А. П. Милюкову и др. лицам, дающие ценный материал для характеристики ее творчества.

Приготавливается к печати сборник, посвященный Н. И. Надеждину. В сборник войдут письма Надеждина к Н. Т. и М. Г. Карташевским и к В. С. Аксаковой, также письма к нему А. В. Сухова—Кобылина, С. Т. Аксакова, Гавриила, арх. Рязанского и др. лиц, войдут также выдержки из дневников и писем Е. В. Сухова-Кобылиной. Сборник имеет выйти одним из очередных выпусков Трудов Общ. иссл. Ряз. края Редакция сборника, вводные статьи и примечания принадлежат проф. Н. К. Козьмину.

Рязанским Госуд. Областным музеем приготовлен и сдан в печать сборник „Вопросы областного музейного дела“ по данным конференции музейных работников Центрально-Промышл. Области 1924 г. В сборнике будут напечатаны доклады, прочитанные на конференции, ее постановления и журналы заседаний.

Обществом Исследователей Рязанского края совместно с Методическим советом Губоно организована комиссия по школьному краеведению. Комиссией подготавливается к печати ряд изданий по вопросам методики краеведения, а также руководств по исследованию губернии для школ. Среди них работа В. В. Осипова „экономическая география Рязанской губернии“

25 янв. 1925 г. состоялось торжественное заседание Рязанского Медицинского Общества по случаю его 50 летнего юбилея. В заседании приняли участие ряд научных и общественных организаций г. Рязани. От О-ва иссл. Ряз. края с приветственной речью выступал председатель О-ва Д. Д. Солдовников.

БИБЛИОГРАФИЯ.

„Музей“, II Ленинград 1924, стр. 94.

Ленинградское Отделение Главнауки в 1924 г. предприняло издание периодического органа посвященного музейному строительству.

При скудости русской музееведческой литературы, издание такого органа—свежее явление в нашей музейной жизни. С начала издания вышло два номера „Музея“.

№ 2. почти целиком посвящен Ленинградским музеям и Ленинградской работе по охране памятников старины. Провинции известно, правда, в общих чертах, как много сделано за время революции Ленинградом в области музейного строительства, и опубликование результатов его работы и поисков имеет немалое значение для музейных работников на местах. Отдел „Известия с мест“ скуден; желательно было бы его расширить.

Внешний облик издания оставляет приятное впечатление.

А. Ф.

Н. Л. Браздский, Н. А. Гусев, Н. П. Сидорев. Русская устная словесность. (Темы-Библиография. Программы для собирания произведений устной поэзии.)

Центральное Бюро Краеведения при Росс. Академии Наук. Историко-литературный семинарий. Изд-во „Колос.“ Ленинград. 1924. Стр. 199.

Книгу Н. Л. Бродского, Н. А. Гусева, Н. П. Сидорова следует горячо приветствовать и рекомендовать всякому начинающему словеснику и краеведу-этнографу. В ней собран богатый библиографический материал по исследованию народной словесности, сгруппированный тематическими задачами. Последних свыше двухсот: они охватывают общие вопросы народной словесности (что такое народная словесность, языческие представления русских славян, анимизм первобытного мировоззрения и др.), затем идут по отдельным родам—заговоры, обрядовая поэзия, лирика, былевой эпос, духовные стихи, легенды, сказки, пословицы и загадки, народная драма, наконец даются комплексные темы (словесность и иконопись в их взаимодействии; народная словесность и краеведение; вопросы фольклора и этногра-

фии в трудовой школе и пр.) и темы, посвященные исследователям и собирателям народной поэзии—Ф. И. Буслаеву, А. Н. Веселовскому, А. А. Потебне и другим.

К книге приложен ряд программ для собирания произведений народной словесности. В предисловии по поводу книги говорится, что составители считают „важным подчеркнуть один вид тем, который направляет интересующихся к непосредственному общению с народной средой, чтобы тем самым собрать не только еще бытующие остатки поэтической старины, верований и обрядов, песен, сказок и преданий, меткого народного слова и других многообразных явлений местного фольклора но и подметить ростки новой фольклорной жизни, вызванной новым революционным бытом.“

В соответствии с этой мыслью хотелось бы видеть в книге задачи и темы, посвященные отдельным местностям-их, к сожалению, не дается. Правда, вопрос о географическом распределении народной словесности еще мало разработан, но тем дорожке были бы советы и компетентное руководство. Нам думается, что научная задача местных фольклористов и состоит в том, чтобы опознать географическую обусловленность устной словесности своего края. Указание на эту мысль содержится в приложенных к книге тезисах доклада Ю. М. Соколова на Всероссийской конференции науч. О-в по изучению местного края: „Совместное изучение фольклора, как и этнографии, основывается на географической базе. Уяснение истории и смысла многих фольклорных фактов возможно лишь при знании их географического распространения.“ (тез. 15). Кстати сказать, тезисы эти не отличаются научным беспристрастием и трактуют больше о педагогическом и современном значении фольклора, чем о постановке фольклорных исследовательских задач „в общем масштабе краеведческих работ.“ Это очень характерно, так как в области гуманитарной еще не достаточно высветлились краеведческие задачи. Будем же надеяться на будущее! Пока поблагодарим составителей за ценную и нужную книгу.

Н. Мордовченко.

ИЗДАНИЯ ОБ-ВА ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ РЯЗАНСКОГО КРАЯ

1. Труды общества вып. I: Д. Д. Солодовников — Переяславль Рязанский. Прошлое Рязани в памятниках старины. 1922 г. стр. 130 (распродано).
2. " " вып. II: П. В. Карасев — К материалам по исследованию флоры окрестностей Рязани. 1923 г. стр. 23 ..... ц. 40 к.
3. " " вып. III: С. С. Туров — 1. Млекопитающие Рязанской губ. 2. Некоторые новые данные о фауне птиц Рязанской губ. 1925 г. стр. 74 ..... ц. 1 р.
4. " " вып. IV: Н. А. Поселов — К вопросу о пойменном скоте. 1925 г. стр. 35 ..... ц. 25 к.
5. " " вып. V: В. А. Городцов — Дубровичский финский могильник. Б. А. Куфтин — Льяловская неолитическая культура на р. Клязьме в Московском у. в ее отношении к Окскому неолиту Рязанской г. и ранне-неолитическим культурам Северной Европы ..... ц. 50 к.
6. Инструкция по собиранию материалов в естественно-исторической области 1922 г. стр. 32 (распродано).
7. П. П. Ефименко — Анкета по изучению крестьянской одежды Рязанской губернии 1924 г. .... ц. 10 к.
8. Анкета по собиранию сведений о гражданской и церковной архитектуре 1922 г. .... ц. 5 к.
9. Б. А. Куфтин. — Задачи и метод изучения крестьянского жилища Рязанской губ. (Краткая инструкция) ..... ц. 10 к.

Продолжается подписка на 1925 год на ВЕСТНИК РЯЗАНСКИХ КРАЕВЕДОВ

научно-информационный орган общ. исследователей Рязанского края.

Журнал в задаче своей имеет освещение краеведно-исследовательской работы, помещая статьи по отдельным вопросам природы, быта, истории и экономики Рязанского края, а также дает хронику научной жизни, преимущественно краеведческой, Рязанской губ. и столиц.

Подписная цена 3 рубля в год.

Все номера за 1923 и 1924 год разошлись, кроме некоторого количества № 4-го, который продается по 35 к. за экз.

Подписка на все издания Общества принимается в Правлении Общества.
Адрес: г. Рязань, Кремль, Дворец Олга, Обществу исследователей Рязанского края.

Гублит № 4141 8 I—25 г. Ряз. тип. инв. „Печатник“. Зак. № 1014.